

VI. Последний год второй Империи. – Парижская Федерация Интернационала. – Третий процесс Интернационала в Париже (май-июль 1870 г.). – Начало войны 1870 г. – Маркс и Энгельс. – Бакунин и Варл

Во время Базельского конгресса Варлен вошёл в члены тайной международной организации, задачей которой была подготовка социальной революции, началом которой должно послужить низвержение французской империи. Действительно, события последнего года второй империи приняли новый характер: Коммуна была близка.

Стачечное движение вспыхнуло вновь в конце сентября 1869 года в Рив-де-Жье, а несколько дней спустя в Обэне, где 8-го октября войска стреляли в рабочих углекопов. 10-го октября делегаты двадцати семи парижских рабочих союзов устроили общее собрание для заключения федеративного договора, решив не обращать никакого внимания на полицию и её угрозы. На этом собрании была вынесена следующая резолюция протеста против насилий над стачечниками:

«Мы протестуем против кровавых актов, совершённых против рабочих углекопов в Обэне. Мы заявляем, что невозможно жить при таком социальном порядке, где капитал отвечает на требования рабочих, большей частью справедливые, расстрелами».

В это же время разразилась стачка ткачей в Эльбефе и были организованы несколько стачек в Париже. Все эти стачки послужили случаем для проявления рабочей солидарности. Федеральная Палата рабочих союзов в Париже, (имевшая свой центральный комитет на улице Крлери-дю-Тампль), оказывала энергичное содействие забастовщикам и поддерживала стачечное движение. Рядом с ней действовала другая организация, основанная специально для оказания помощи во время стачек и называвшаяся «Касса пяти сантимов». Эта организация объединяла значительное число парижских рабочих союзов. В письмах Варлена за этот период, прочитанных на суде при третьем процессе Интернационала (июнь 1870 г.) можно видеть, насколько энергично проявляли свою деятельность в это время рабочие профессиональные союзы.

Политическая жизнь Франции в этот период также оживилась. Летом 1869 года в обществе разрасталось недовольство по случаю отсрочки Наполеоном созыва Парламента, избранного ещё в мае. Решено было организовать всеобщую манифестацию протеста на 26-ое октября. Но, депутаты из оппозиции отказались. На 21-ое ноября были назначены дополнительные выборы в Парламент. В эти выборы Рошфор прошёл от Бельвиля. Избрание Рошфора имело некоторое влияние на рост республиканского движения, так как следствием этого избрания явилось возможность издания левой газеты «*Марсельеза*», которая вскоре сделалась органом рабочих-революционеров.

В нашу задачу не входит перечисление всех событий, которые имели место в последний год существования второй империи. Мы ограничимся лишь указанием главнейших из них, не описывая их подробно. Все интересующиеся этими событиями могут найти все подробности в отчётах о третьем процессе Интернационала, где рассказано и о реорганизации Интернационала в Париже и во Франции, о способах его деятельности и об участии интернационалистов в борьбе против императорского режима.

Необходимо заметить, что именно с этого момента началась, со стороны некоторых лиц – Маркса и Энгельса в том числе и их сподвижников, – подпольная компания интриг и клеветы, имевшая целью утвердить их господство в Интернационале, избавившись, для этой цели, всеми доступными способами, от тех лиц, которых они считали своими противниками или соперниками и которые внушали им страх своим независимым духом и революционной смелостью. На самом деле, мишенью для всех этих клеветников служили – вещь неправдоподобная, но тем не менее, истинная, – те деятели-революционеры, которые выступали наиболее активно в различных странах – в Испании, Италии, Швейцарии, Франции – против империи. В своём секретном циркуляре, под названием «частное сообщение», разосланном 1-го января 1870 года всем секциям Интернационала, Карл Маркс и его сообщники указывали как на врагов на лиц, составлявших редакцию газеты «*Равенство*» в Женеве, на сотрудников парижской газеты «*Труд*» и локльской газеты «*Прогресс*». В одном из своих писем, посланных специально в Брюссель, Маркс обвинял Бакунина в том, что он хочет дезорганизовать Интернационал, хотя Маркс и знал, что в это время Бакунин жил мирной жизнью в глухом итальянском городке Локарно, где он

занимался – странное совпадение, – переводом на русский язык большого сочинения своего клеветника – *«Капитала»*.

Бельгийский Комитет Интернационала, получив письмо Маркса с нападками на Бакунина, был возмущён и один из членов этого Комитета, Эжень Гинс, написал Марксу об этом письмо[18]. Но, конечно, Маркс оставил это письмо без внимания. В январе 1870 года, благодаря местным интригам в Женеве, газета *Равенство*, орган Романской федерации Интернационала, попала в руки одного русского еврея, Николая Утина, который сделал из этой газеты свой личный орган. Он тотчас же предоставил страницы «Равенства» к услугам Маркса и стал его верным агентом в Швейцарии. В феврале месяце Бакунин, по настоянию молодого революционера Нечаева, прервал перевод *«Капитала»* для того, чтобы посвятить своё время непосредственно русским революционным делам[19]. Маркс, со своей стороны, продолжал своё дело клеветы и ненависти, и послал в Германию новое «Частное сообщение» (28 марта 1870 г.), направленное против Бакунина. В это же время на конгрессе Федерации Романской Швейцарии в Шо-де-Фоне агент Маркса Утин провоцировал раскол, следствием которого было распадение Романской Федерации на две части. Этот раскол имел очень серьёзные последствия для всего Интернационала. Часть романской Федерации пошла за Утиным и образовала свой Комитет в Женеве, печатным органом которого стала газета *«Равенство»*, редактируемая Утиным. Другая часть швейцарских секций, главным образом, секций из Юрских гор, объединилась в свою Федерацию и новый Федеральный комитет стал издавать газету *«Солидарность»* (в Невшателе)

Говоря об этих событиях, мы должны сказать, что все тайные происки марксистов стали известны гораздо позднее, в самый же момент описанных событий почти никто не знал тайных пружин, благодаря которым происходило то или иное событие; только немногие лица, как с той, так и с другой стороны, были посвящены в закулисную сторону дела. Таким образом, к счастью, эти интриги имели никакого влияния на развитие Интернационала во Франции в 1870 году. Однако об этих интригах необходимо упомянуть, так как это необходимо для того, чтобы понять многое из того, о чём говорится в судебном отчёте о третьем процессе Интернационала; знание всех этих интриг поможет также понять всё значение некоторых фактов, как, например, пересмотр третьего параграфа французского текста Введения к общему уставу Интернационала и изменение редакции этого параграфа в новом издании Устава, вышедшем в Париже в марте 1870 года[20].

27-го декабря 1869 года Наполеон III получил известному в то время либералу Эмилю Оливье составить кабинет. 2-го января 1870 года кабинет Оливье стал у власти и открыл эру «либерального» режима. Однако, этот режим был недолговечен. 10-го января двоюродный брат императора Наполеона III, принц Пьер Бонапарт, убил сотрудника левой газеты *«Марсельеза»*, Виктора Нуара. Похороны Нуара (12 января) превратились в грандиозную антиправительственную манифестацию. 19-го января вспыхнула большая стачка в Крезе. 7-го февраля был арестован Рошфор, в 7-8 февраля была сделана попытка народного восстания в рабочем парижском квартале Бельвиль. 11-го февраля был убит один полицейский чиновник. Положение в Париже делалось тревожным; рабочие массы начинали волноваться. 11-го февраля группа интернационалистов, в числе которых были Комбо, Жоаннар, Ландрэн, Малон и Пэнди, опубликовали воззвание, в котором они обращались ко всем социалистам «не губить дело революции преждевременными вспышками». «Нам

кажется, говорилось в воззвании, что момент для решительного выступления ещё не настал. Революция быстро приближается; не будет преграждать ей путь своим нетерпением, которое хотя и вполне законно и понятно, но которое может принести печальные результаты... Каждый новый час уменьшаем силы деспотизма и увеличиваем наши... Удвоим нашу пропаганду и, в особенности, будет усиливать нашу организацию».

В феврале правительство произвело многочисленные аресты, Варлен был также арестован, но после четырнадцатидневного заключения был выпущен на свободу. Как только он очутился на свободе, он тотчас же приступил к организации федерации парижских секций Интернационала, которых уде насчитывалось в то время тринадцать. 7-го марта состоялось собрание делегатов этих секций; на этом собрании была избрана комиссия для выработки устава федерации. 13-го марта Варлен был в Лионе, где председательствовал на большом митинге, на котором были делегаты из Марселя, Дижона, Руана и из юрской Швейцарии. На этом собрании был прочитан Манифест бельгийских интернационалистов к французским рабочим (составленный Сезаром де Папом). В этом манифесте, между прочим, говорилось:

«Существование политического Государства не имеет больше своего оправдания; искусственный механизм, называемый правительством, должен быть заменён экономической организацией. Политика должна раствориться в социализме».

На устроенном после митинга более тесном собрании швейцарский делегат Швицгебель прочитал письмо Бакунина, в котором этот последний писал:

«Основа организации пролетарских сил уже дана самой жизнью – это мастерская и федерация мастерских, создание стачечных касс, как орудие борьбы с буржуазией, и федерирование этих касс не только в национальном масштабе, но и в международном. Когда наступит час революции, вы должны провозгласить уничтожение государства и буржуазного строя, ... и взамен их провозгласить истинную народную революцию, анархию в политической и юридической области, и новую экономическую организацию, построенную снизу вверх, от периферии к центру[21]».

21-го марта появилось письмо Наполеона III к министру Эмилю Оливье по поводу того, что в скором времени во Франции будет произведён плебисцит по вопросу о новом направлении бонапартистской политики. 23-го марта разразилась вторая стачка в Крезе. 27-го марта принц Пьер Бонапарт, убийца Виктора Нуара, был оправдан судом. 18-го апреля парижская Федерация Интернационала основалась окончательно и по этому случаю было устроено большое собрание под председательством Варлена и при участии Робена и Авриалья. Открывая собрание, Варлен сказал:

«Мы должны довольствоваться самим собой, мы должны создать своё собственное полное мирозерцание и вести борьбу против существующего юридического, экономического, политического и религиозного порядка».

Парижская Федерация Интернационала поместилась на улице Кордери-дю-Тампль, где уже помещалась и Федеральная Палата рабочих союзов. На этом же собрании 18-го апреля была избрана особая комиссия из 12-ти членов, (в число которых вошли Авриаль, Комбо, Лафарг и

Робен), которой было поручено составить манифест против предполагаемого правительством плебисцита. Этот манифест был вскоре составлен и издан. В нём, между прочим, говорилось:

«Рабочие! если вы хотите учредить демократическую и социальную республику, то лучшим средством для этого будет – воздержание от плебисцита... Воздержание от голосования будет служить знаком протеста, которого Наполеон боится больше всего».

Плебисцит был назначен с 20 апреля по 8-го мая.

Пропаганда социалистических идей продолжалась, между тем, самым энергичным образом. Газета «Солидарность», издававшаяся в Невшателе писала в номере от 30-го апреля:

«Франция вскоре будет покрыта густой сетью секций Интернационала. Стачки в Крезе и Фуршамбо сделали идеи социализма весьма популярными в центральных областях Франции» ...

Либеральное правительство Эмиля Оливье, однако, зорко следило за развитием Интернационала во Франции и когда нашло, что движение перерастает те рамки, в которых правительству желательно было его видеть оно решило открыть с Интернационалом борьбу. 30-го апреля Эмиль Оливье отдал приказ о производстве ареста «всех лиц, которые управляют Интернационалом». Всем этим лицам ставилось в вину двойное преступление; участие в заговоре против империи и участие в недозволенном тайном обществе. В этот же день парижская полиция спешно производила аресты направо и налево и, в числе более или менее известных деятелей Интернационала, хватала лиц совершенно непричастных движению или не игравших в нём никакой роли. 30-го апреля были арестованы в числе других – Авриаль, Г. Касс, Колло, Франкэн, Дюгоки, Флао, Гелигон, Жоаннар, Ландек, Малон, Мюра, Пэнди, Тейш, Роше. (Варлен, который был в этот день в Шалоне, успел скрыться в Бельгию). В Лионе были арестованы Альбер Ришар, Г. Блан, Шоль, Дублэ, Паликс; в Марселе – Бастелика случайно смог скрыться от разыскивающей его полиции. В последующие дни были арестованы Асси в Крезе, Обри в Руане, Комбо в Марселе, Люпэн в Сент-Этьене, Бовуар и Дюмартре в Лионе, Ледоре в Бресте, Алерини в Каннах и т. д.

Против этих арестов Парижский Федеральный Совет Интернационала издал манифест протеста, составленный Полем Робеном 2 мая и подписанный 31 членом. Манифест был напечатан в «Марсельезе» 5-го мая. В этом манифесте говорилось, что Интернационал не составлял никакого заговора против Империи, так как:

«Международное Товарищество Рабочих является организацией всех обездоленных и всех эксплуатируемых, и оно будет существовать, несмотря на все преследования и аресты так называемых вожаков, до тех пор, пока не исчезнут на свете все эксплуататоры, капиталисты, попы и политические авантюристы».

Плебисцит дал Империи (8-го мая) немного больше семи миллионов голосов за при полуторах миллионов *против*; воздержавшихся было около полумиллиона. В мае месяце правительство назначило судебное следствие по делу некоторых арестованных членов Интернационала, обвиняя их в участии в тайном обществе.

В конце мая месяца была закрыта на два месяца газета «*Марсельеза*». Деятели Парижской Федерации Интернационала лишившись возможности печатать свои статьи, решили создать свой собственный печатный орган, но так как об издании рабочей левой газеты в Париже нечего было и думать, то решено было обратиться в Невшатель, к Джеймсу Гильому, имевшему свою небольшую типографию и печатавшему уже газету «Солидарность», орган Романской Федерации Интернационала. Гильом согласился быть полезным своим парижским собратьям и Поль Робен, выбранный редактором нового органа, в начале июня послал в Невшатель весь материал для первого номера. Газета должна была называться «*Социалист*», – орган Парижской Федерации Интернационала. Первый номер вышел 11-го июня.

«Социалист» стал печататься в количестве 5-6 тысяч экземпляров. Часть экземпляров рассылалась из Швейцарии под бандеролью на частные адреса, а остальные экземпляры были посланы багажом по железной дороге на адрес Мангольда в Гран-Монруж. Но, как только тук с газетами прибыл в Париж, то немедленно он был арестован и препровождён в полицию. После этого решено было прекратить издание газеты.

22-го июня состоялся суд над 38 членами парижских секций Интернационала. На суд явилось только 31 человек. После долгих допросов и обсуждений, суд вынес окончательный приговор только 8-го июля. Согласно этому приговору семь обвиняемых – Варлен (скрывшийся в Бельгию), Малон, Мюра, Жоаннар, Пэнди, Комбо и Гелигон признаны виновными в том, что они состояли членами тайного сообщества и были приговорены к годовичному тюремному заключению; 27 других обвиняемых были признаны виновными в том, что они состояли членами неразрешённого правительством общества и были приговорены к тюремному заключению на срок в два месяца каждый. «Общая» (!) Ассоциация была объявлена распущенной в Париже и в департаменте Сены.

На следующий день после объявления приговора, члены статистической Комиссии, избранной парижским федеральным Советом – Поль Робен, Анри, Бахруш, Мангольд, Ланжевен и Ш. Келлер – обратились к парижским рабочим с циркуляром, в котором говорилось: «теперь, после *легального закрытия* Интернационала, мы будем продолжать его дело от нашего личного имени впредь до того момента, когда явится снова возможность отдать отчёт тем, кто нас избрал».

По поводу этого процесса Маркс ничего не нашёл сказать, кроме нижеследующих строк в письме к Энгельсу от 8-го июля:

«Я тебе пошлю завтра французские газеты и отчёты о судебном процессе. Франкель[22] заслуживает похвалы. Ты увидишь, как в речах обвиняемых, так и в газетных статьях, стремление приписать французам инициативу основания Интернационала[23]».

Кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол вызвала неожиданно войну между Германией и Францией. Видя надвигающуюся грозу, парижский Интернационал поднял тревогу. Был выработан текст манифеста к немецким рабочим[24]; этот манифест был напечатан в парижской газете «*Пробуждение*» в номере от 12-го июля; в этом манифесте говорилось:

«Немецкие братья! Во имя мира, не слушайте подкупленных или рабских голосов, обманывающих вас о настоящем положении дел во Франции. Будьте глухи ко всем недостойным провокациям, потому что война между нами будет братоубийственной войной. Будьте спокойны, насколько это возможно без ущерба для достоинства храброго и сильного народа. Помните, что наше разделение приведёт к торжеству деспотизма на обоих берегах Рейна».

Война была объявлена 15-го июля, однако военные действия начались только 26-го.

Интересно знать, что думал Карл Маркс в этот момент, когда началась грандиозная дуэль народов, приведшая к разгрому Франции, к капитуляции Парижа и к присоединению к Германии Эльзаса и Лотарингии. Письмо от 23-го июля к Энгельсу даёт нам некоторый ответ на этот вопрос. Вот что писал Маркс:

«Я посылаю тебе «Пробуждение»; ты в нём найдёшь статью старика Делеклюза; – от неё пахнет настоящим чистым шовинизмом. Франция единственная идейная страна, пишет этот шовинист-республиканец... Французы заслуживают того, чтобы быть побитыми (Die Franzosen brauchen Prügel). Если пруссаки восторжествуют и победят, то централизация государственной власти будет полезна и вызовет централизацию немецкого рабочего класса. Победа Германии, кроме того, перенесёт центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию; достаточно сравнить рабочее движение в обеих странах с 1866 года до настоящего момента, чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс превосходит французский как с точки зрения теории, так и с точки зрения организации. Перевес на мировой арене немецкого пролетариата над французским будет в то же время и перевесом наших теорий над теорией Прудона».

Таким образом, победа своей личной теории и поражение доктрины Прудона – таков выигрыш победы немцев над французами, в глазах человека, которого столько слепых ещё и теперь считают основателем Интернационала.

Тотчас же после объявления войны, Главный Совет Интернационала в Лондоне поручил Марксу написать манифест по поводу войны. В этом манифесте Маркс также не мог удержаться от того, чтобы не сказать несколько слов в защиту немцев. «Со стороны немцев, говорит он, эта война является войной оборонительной; ... но если немецкий рабочий класс допустит, что настоящая война утратит свой оборонительный характер и выродится в войну против французского народа, то победа или поражение будут одинаково губительны[25]».

Французские интернационалисты и все социалисты по отношению к войне заняли такую позицию: они стали спешно готовить низвержение наполеоновской империи и хотели вместо неё установить социальную республику. Эта республика должна предложить немедленно Германии мир. Если же Германия откажется заключить мир, то республика должна объявить немецкому правительству, – но не немецкому народу – революционную войну, рассчитывая в этом случае встретить сильную поддержку в немецких социалистах (печальная иллюзия!!)

Парижская Федерация Интернационала опубликовала «Воззвание к рабочим всего мира»; в этом воззвании говорилось:

«При виде братоубийственной войны, которая объявлена к удовлетворению нашего общего врага, и, в жертву которой уже привнесены тысячи наших братьев, при виде нищеты, слёз и угрожающего голода...

Мы протестуем во имя братства народов против войны и её зачинщиков, и мы приглашаем всех друзей труда и мира к..., чтобы обеспечить таким образом свободу.

Да здравствуют народу! Долой тиранов![26]»

8-го августа интернационалисты в Марселе в согласии с несколькими республиканцами сделали попытку вооружённого восстания и захватили городскую думу. Однако, движение немедленно было подавлено, и его участники были преданы военному суду. В Париже был организован революционный комитет, который решил 9-го августа, день открытия парламента, захватить вооружённой силой Бурбонский дворец и провозгласить республику. Но, за несколько часов до назначенного момента выступления полиция арестовала Пэнди, который был избран главным начальником революционных сил. 14-го августа бланкисты сделали попытку восстания в квартале Виллет, но эта попытка окончилась также неудачей. Наблюдая за всем происходившим во Франции, Варлен (находившийся в это время в Бельгии) писал:

«Что станет с Интернационалом среди этого двойного течения шовинизма, который захватил обе нации; и которые, кажется, разрушат друг друга самым ужасным образом? Я должен вам сознаться, что я глубоко страдаю, воображая, как разорены наши провинции, хотя, с другой стороны, я и сознаю, что наши крестьяне заслужили отчасти всё это, так как именно они поддержали своим идиотским голосованием всё здание империи. Но, я, тем не менее, не ожидаю ничего хорошего от победы прусского милитаризма. Но, в то же время, до тех пор, пока императорское правительство будет давить Францию, республиканско-социалистическая партия должна протестовать против опустошительной политики, на путь которой империя увлекает нашу нацию. – Почему парижский народ при первых раскатах войны не разрушил империю и не поставил перед лицом прусского короля революционную Францию? В этом случае, если бы и пришлось вести войну, то было бы хотя из-за чего[27]».

Со своей стороны, Бакунин писал из Локарно 11-го августа своему старому другу Огарёву:

«Ты только русский, тогда как я интернационалист. События, происходящие сейчас в Европе, бросают меня в жар... Я составил целый план действия... Озеров тебе обо всём расскажет, или, что будет ещё лучше, он тебе прочтёт моё *письмо к французу*».

23-го августа Бакунин писал лионским интернационалистам:

«Если французский народ не поднимется весь, целиком, пруссаки возьмут Париж... Необходимо, чтобы повсюду народ брался за оружие и организовался бы *самостоятельно* чтобы начать борьбу против немецкого нашествия, начать разрушительную войну, войну народную... Патриотическое движение 1792 года не должно и сравниться с тем, что вы

должны сделать теперь; если вы хотите спасти Францию от полувекового рабства, от нищеты и разорения, от нашествия и уничтожения, то поднимайтесь друзья, с пением Марсельезы, которая делается отныне боевым гимном Франции, песнью свободы, песнью человечества, ибо теперь судьба Франции становится судьбой всего человечества. *Проявляя патриотизм, мы спасём мировую свободу...* Если через десять дней во Франции не будет народного восстания, Франция погибла. О, если бы я был молод, я не писал бы тогда письма, я был бы среди вас!»

Со своей стороны, Энгельс писал Марксу 31-го июля:

«Моя уверенность в военной мощи Германии растёт с каждым днём. Мы выиграли первую серьёзную битву».

В письме 15-го августа он говорит:

«Было бы абсурдным делать из антибисмаркизма наш единственный боевой лозунг. Бисмарк в данный момент, как и в 1866 году, работает для нас, правда, по-своему; это, конечно, он делает, не сознавая, но тем не менее, он, всё-таки, делает... Требовать, как Либкнехт, чтобы вернуться назад и уничтожить всё, что сделано с 1866 года – это глупость».

На эти письма Маркса отвечает письмом от 17-го августа, в котором говорит:

«Твоё письмо точно совпадает с моим планом ответа Брауншвейгскому Комитету, который у меня складывается в голове[28]. Я не хотел писать об этом важном деле, прежде, чем не посоветуюсь с тобой, – ибо вопрос идёт о том, чтобы *дать инструкции и указания о том, как должны поступать и действовать немецкие рабочие...* Война стала национальной: следовательно теперь не время, когда декларация принципов может считаться актом мужества, как это было в момент выступления Либкнехта и Бебеля в Рейхстаге... Кугельман считает, что при оборонительной войне военные действия должны носить также оборонительный характер. По его мнению, когда кто-нибудь нападает на меня на улице, я имею право лишь отражать удары, нападающего; если же я, чтобы защитить себя, сам нанесу ему удар, от которого он свалится с ног, то, в этом случае, по мнению Кугельмана, я уже становлюсь нападающим. Видно, что все эти люди очень плохо разбираются в диалектике[29]».

При Седане Наполеон III со своей армией был захвачен в плен и 4-го сентября Вторая Империя «исчезла под своим обломками, среди проклятий, несшихся со всех сторон».

Вечером 4-го сентября делегаты парижского Интернационала и федеральной Палаты рабочих союзов, на своём совместном заседании составили «Воззвание к немецкому народу», которое было опубликовано на следующий день по-немецки и по-французски. Вот это воззвание:

«Человек вызвавший эту братоубийственную войну, и который находится теперь в твоих руках, не существует больше для нас. Республиканская Франция приглашает тебя, во имя справедливости, прекратить войну; если же ты не захочешь сделать это, то нам придётся биться до последнего человека и пролить море твоей и нашей крови.

Мы повторяем тебе теперь те слова, какие мы говорили в 1792 году европейской коалиции: *французский народ не будет заключать мир ни с одним врагом, который занимает его территорию...*

Удались за Рейн.

На берегах этой реки, на обладание которой предъявляют свои права и Германия, и Франция, потянет друг другу руки. Забудем все преступления войны, какие заставили нас совершить наши деспоты...

Нашим союзом положим начало Европейским Соединённым Штатами.

Да здравствует всемирная республика!

От имени рабочих союзов и французских секций Интернационала.

Шарль Беле, Брион, Бахруш, Камелина, Шассен, Шемале, Дюпа, Эрве, Ландек, Левердэй, Лонге, Маршан, Перрашон, Толен, Вальян».

Центральный Комитет немецкой социал-демократической партии, в Брауншвейге, опубликовал, со своей стороны (5-го сентября) манифест, приветствовавший падение Второй Империи и требовавший заключения мира:

«После двадцатилетнего постыдного существования второй империи, говорилось в манифесте, французский народ восстал и взял в свои руки управление своей судьбой... Привет Французской Республике!.. Долгом немецкого народа является теперь заключение почётного мира с французской республикой. Немецкие рабочие должны заявить, что в интересах Франции и Германии, они решили не допускать более нанесения оскорблений французскому народу, после того, как он освободился навсегда от гадины, нарушившей мир... Поклянемся вести борьбу и вместе работать со всеми нашими братьями рабочими всех стран за общее дело пролетариата... Поднимем свой голос, возвещающий, если не для сегодня, то для ближайшего будущего, зарю свободы для Германии[30]».

Брауншвейгский Комитет счёл своим долгом воспроизвести в манифесте значительную часть письма, которое он получил от Маркса. На второй странице этого манифеста мы читаем:

«Один из числа наших наиболее уважаемых и старых друзей и сотрудников из Лондона нам пишет: «присоединение Эльзаса и Лотарингии будет для Германии причиной разорения, поводом сделать войну... потому что Франция пойдёт на союз с Россией, чтобы объявить новую войну Германии». Следовательно, мы должны протестовать против присоединения, от имени социал-демократической партии... «Настоящая война, продолжает наш друг, открывает собой новую эру в истории народов: она доказала, что даже и без Австрии, Германия вполне способна вести дело своего развития... Великая задача уже сделана, и если рабочий немецкий класс не сумеет теперь стать на то место, которое предназначает ему история, это будет ошибка всецело его самого. *Настоящая война перенесла из Франции в Германию центр тяжести континентального рабочего движения*».

Генерал Фогель фон Фалькенштейн, губернатор области, немедленно отдал приказ об аресте всех подписавших вышеназванный манифест – Бракке, Бонгорста, Спира, Кюна, Граля и других и препроводил их в крепость Буайен.

Каково же было отношение Маркса и Энгельса к этим двум революционным актам французских и немецких социалистов?

6-го сентября Маркс писал Энгельсу:

«Я только что стал писать тебе это письмо, как ко мне пришёл Серайе[31] и сказал, что завтра он уезжает в Париж, где пробудет несколько дней. Цель его путешествия является установление согласования действий Главного Совета с Федеральным Парижским Советом... Я получил сегодня от этого федерального совета воззвание к немецкому народу (я его пришлю тебе завтра) с просьбой, чтобы Главный Совет составил от себя специальный манифест к немцам. Я уже обдумал и сегодня вечером попробую написать... В воскресенье Лонге мне телеграфировал о провозглашении республики. Я получил его телеграмму в четыре часа утра (в понедельник). Из Брауншвейга мне ответили, что будут поступать во всём согласно моим указаниям».

Энгельс на другой день ответил Марксу следующим письмом:

«Прокламация парижского Интернационала, если телеграф резюмировал её правильно, доказывает, что парижане находятся всецело во власти слов. Эти лица переносили режим Баденгэ[32] в течение двадцати лет; только шесть месяцев тому назад они не могли помешать ему собрать шесть миллионов голосов против полутора миллиона и не могли помешать ему объявить без всякой причины войну Германии, – и вот эти люди в настоящий момент хотят, чтобы немцы, – которые своими победами принесли им *в подарок* Республику (и какую!) – немедленно бы очистили священную французскую землю, угрожая в противном случае *войной до победного конца!* Всё это говорит в них старая закваска: чувство превосходства Франции, неприкосновенность территории в границах, установленных в 1793 году. Эту закваску не могли вытравить у французов все их свинства, совершённые с тех пор и для них слово Республика сохраняет по-прежнему свою святость... Я надеюсь, что эти люди придут в здравый рассудок после того, как пройдёт первый угар, без этого же будет очень трудно продолжать с ними поддерживать интернациональную связь...

Дюпон[33] уехал отсюда. Он приходил проститься со мной сегодня вечером и был в бешенстве, прочитав содержание парижской прокламации. Но, он успокоился немного, когда узнал, что Серайе едет в Париж, предварительно переговорив с тобой. Его мнения о положении вполне ясны и правильны: нужно воспользоваться свободой, даваемой Республикой, чтобы организовать социалистическую партию во Франции... до этого момента Интернационал должен не вмешиваться в войну... так как посылать рабочих на войну теперь было бы похоже на стратегию Бонапарта и Мак-Магона. До заключения мира французские интернационалисты не могут ничего делать, каковы бы ни были обстоятельства; после же заключения мира им нужно прежде всего сорганизоваться».

Энгельс и Маркс не удовлетворялись, однако, только простым выражением пожелания в своих частных письмах, чтобы французский пролетариат «воздерживался от действия до того момента, когда будет заключён мир», – наоборот, они злоупотребляли той властью, которой они пользовались и послали от имени Главного Совета Интернационала французским рабочим официальные инструкции по этому поводу. Вот что писал Дюпон 6-го сентября секретарю лионской секции, Альберу Ришару:

«Мой дорогой Ришар! Жалкий конец Наполеона III привёл к власти Фавра и Гамбетту. Ничего, в сущности, не изменилось. Власть по-прежнему в руках буржуазии. В этих обстоятельствах задача рабочих заключается в том, чтобы оставить *буржуазную сволочь заключить мир с пруссаками* (в этом случае вся ответственность будет лежать на буржуазии); рабочие не должны пугать буржуазию своими волнениями, а воспользоваться существующей свободой, чтобы укрепить свои организации и сконцентрировать все силы рабочего класса. Буржуазия, которая в данный момент обезумела от своего торжества, не заметит сразу прогресс организации до того момента, когда рабочие будут, действительно, готовы к решительной борьбе... Употребь всю свою власть, данную тебе Главным Советом, чтобы достигнуть этой цели».

Во втором манифесте, изданном от имени Главного Совета, 9-го сентября, Маркс говорит:

«Французским рабочим не следует увлекаться воспоминаниями 1792 года, подобно французским крестьянам, которые дали себя одурачить, хранив в себе воспоминание о первой империи. Французские рабочие должны не повторять прошлого, но творить будущее».

Таким образом, эти господа, которые обыкновенно советовали рабочим участвовать в политическом движении, находили нужным в момент, когда немецкие армии наводняли Францию, приказывать французским рабочим, **от имени Главного Совета Интернационала**, относиться хладнокровно к войне, выбросить из своей головы воспоминание о 1792 годе и оставить буржуазию заключить позорный мир с Прусским королём под тем предлогом, что в этом случае «позор» всецело ляжет на «буржуазную сволочь». Маркс требовал, чтобы французские рабочие в особенности не делали в этот момент «волнений», так как революционное движение «укрепит» буржуазное правительство! Не ясно ли из всего этого, что Маркс и Энгельс, советуя французским рабочим «спокойствие» и «выдержку», призывая их «не повторять прошлого» и не делать того, что делали их деды в 1792 году (то есть бить пруссаков), играли в руку Бисмарка и хотели, чтобы Бисмарк закончил своё дело взятием Парижа, не встретив на этом пути противодействия со стороны французского пролетариата?

10 сентября Маркс снова писал Энгельсу:

«Я посылаю тебе в этом письме два глупых произведения, присланные мне с двух противоположных сторон – из Брауншвейга и Парижа.

Ты знаешь, что я хотел послать в Брауншвейг инструкции. Я думал, что имею дело с взрослыми людьми, а не с детьми, которые не понимают, что не всё можно предавать

гласности, что им сообщают. Кажется, само собой понятно, что в инструкции необходимо говорить ясно и определённо и что некоторые советы нельзя разбалтывать направо и налево.

Однако, всё это было неизвестно членам Брауншвейгского Комитета, и они, получив моё письмо, не только дословно напечатали его в своём манифесте, но ещё так ясно указали кто автор цитируемых слов, что всякий сразу поймет, что это моё письмо. Они. привели мои выражения о том, что война перенесла центр тяжести рабочего движения из Франции в Германию и прочее; но, как. они не понимают, что эта фраза сказана только для них, а не для того, чтобы оповестить об этом весь свет. Я должен ещё благодарить их за то, что они, по крайней мере, не напечатали мою критику французских рабочих...

Я им намылю голову, но это мало поможет, – глупость уже сделана.

С другой стороны, – парижские дурачки! (die dummen Kerle in Paris) Они мне прислали целую пачку своего глупого манифеста, который вызывает здесь, среди английских рабочих, смех и ругань... И эти глупцы осмелились ещё прислать мне по телеграфу свои указания, как я должен вести пропаганду среди немцев!»

В ответ на эти письма, Энгельс в письме от 12-го сентября, успокаивает Маркса и пишет:

«Нашим немецким и французским друзьям, действительно, недостаёт политического такта. Ну, и чудачки же брауншвейгцы! Они, верно, боялись исказить твои мысли при передаче и поэтому решили лучше напечатать их дословно. Но, в действительности, неприятна только одна вещь – эта фраза о переносе центра тяжести. Напечатать её – это уже поистине показывает, что люди глупы! Будем надеяться, что парижане заняты в настоящий момент другими делами и не будут тщательно штудировать манифест, тем более что они не знают немецкий. Это доказывает их перевод на немецкий язык своего манифеста к немецким рабочим – он великолепен по своей безграмотности! Либкнехт, между прочим, очень хвалит его в своей газете! – Лонге также очень занятен! По его мнению, выходит, что если Вильгельм Первый пожаловал французам Республику, то французы в благодарность за это должны сделать революцию в Германии!.. Если бы можно было оказывать влияние в Париже, то необходимо было бы как можно скорее внушить там, чтобы рабочие оставались спокойными до заключения мира. Бисмарк скоро будет в состоянии сделать это, или взяв Париж, или же само положение в Европе заставит прекратить войну. Но, каким бы то образом мир ни был заключен, необходимо, прежде всего, чтобы он был заключен раньше, чем рабочие могли бы что-нибудь предпринять... К несчастью, во Франции, в Париже, нет никого, кто бы имел смелость признаться, что всякое активное сопротивление бесполезно и что, следовательно, перспектива изгнать врага при помощи социальной революции, исключена заранее».

На следующий день, 13-го сентября, Энгельс прибавляет ещё:

«Война, затягиваясь, начинает принимать неприятный оборот. Французы чувствуют себя ещё недостаточно поколоченными, а в то же время, с другой стороны, немцы уже много завоевали».

14-го сентября 1870 года Маркс; в письме к Энгельсу, пишет:

«Бисмарк, несмотря на все его качества, осёл. Так как ему во всём везло, потому что он преследовал объединение Германии, он теперь потерял голову и стремится, без стыда и совести, проводить политику специально прусскую, не только в области внешних отношений, но и внутри страны... Я написал сегодня в Бельгию, Швейцарию и в Соединенные Штаты, чтобы дать детальные указания».

Наконец, 16-го сентября (последнее письмо Маркса к Энгельсу в 1870 году, так как осенью 1870 года Энгельс переехал из Манчестера в Лондон и поселился вместе с Марксом):

«**Спешно.** Скажи Дюпону, чтобы он ответил в Марсель (при сём посылаю манифест и письмо из Марсея) от имени Главного Совета и хорошенько бы намылил марсельцам голову. Пусть он пошлёт вместе со своим ответом и наш манифест; я ему пришлю, если у него нет».

Позднее Маркс вынужден был под влиянием событий, разыгравшихся во Франции изменить свой тон по отношению к французам. Геройское сопротивление французских рабочих – не слушавших, к счастью, советов Маркса, захватило под конец и самого Маркса. В письме в газету Daily News, от 16-го января 1871 года Маркс писал, почти в тех же выражениях, как и Бакунин: «Франция – и её дело, к счастью, не совсем погибли, она теперь борется не только за свою национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы». После заключения перемирия 14-го февраля 1871 года Маркс писал Кугельману (совершенно противоположное тому, что он писал тому же Кугельману и Энгельсу пять месяцев тому назад): «Пусть Франция не падает духом! Пусть она воспользуется перемирием для того, чтобы реорганизовать свою армию, и придать затем войне характер действительно революционный – и тогда новая прусско-германская империя может получить неожиданное для себя крещение». Но, могут ли эти слова искупить всё, что говорил Маркс раньше?

В заключение нашей брошюры, чтобы хотя бы забыться немного от интимных излияний двух великих вождей немецкой социал-демократии мы приведём бодрящие слова настоящего «интернационалиста». Бакунин 2-го сентября писал:

«О, если бы Франция была наводнена армиями пролетариев немецких, бельгийских, испанских, итальянских, несущих красное знамя революционного социализма и возвещающих миру освобождение труда. Я первый бы в этом случае крикнул французам: «откройте им ваши объятия, это ваши братья, объединитесь с ними, чтобы вымести гниющие остатки буржуазного мира!» Но, нашествие, которое теперь попирает и бесчестит Францию не является нашествием демократическим и социальным, но представляет нашествие аристократическое, монархическое и военное. Пять или шесть миллионов немецких солдат, попирающих в этот час Францию, являются верными подданными, рабами деспота, который весь проникнут своим божественным правом. Направляемые, управляемые и толкаемые как автоматы, офицерами и генералами, вышедшими из рядов дворянства, немецкие солдаты являются злейшими врагами пролетариата. Принимая их мирно, оставаясь пассивными или хладнокровными перед этим нашествием деспотизма, аристократии и немецкого милитаризма, французские рабочие совершают преступление не только против своей чести и достоинства, не только против своей собственной свободы и

своего процветания, но они совершают преступление против общего дела мирового пролетариата, против святого идеала революционного социализма».

Прибавим к этим словам ещё несколько строк, написанных Бакуниным месяц спустя к своим марсельским друзьям:

«Я не имею чести быть французом, но, я признаюсь, что я глубоко возмущён всеми надругательствами, которыми подвергается Франция... Я горько оплакиваю несчастье этой великой и симпатичной страны, страны, обладающей отважным характером и глубоким умом, о которой можно сказать, что она создана историей для того, чтобы освободить мир. Я боюсь, что после всего, что происходит, замолкнет в мире навеки голос Франции, голос, который говорил всем страдающим и угнетаемым о свободе, равенстве, братстве и справедливости. Мне кажется, что если великое солнце Франции потухнет, то всюду воцарится тьма, и что все тусклые фонари, которые зажгут немецкие учёные-резонеры не смогут заменить этот великий и простой свет, который изливал на мир французский ум.

Наконец, я убеждён, что поражение и порабощение Франции и торжество Германии под главенством Пруссии повергнет всю Европу во мрак, нищету и рабство прошлых веков. Я настолько в этом уверен, что я думаю, что теперь священный долг каждого человека, любящего свободу и желающего торжества человечности над зверством, будет ли он англичанином, испанцем, итальянцем, поляком, русским и, даже немцем, принять участие в этой демократической борьбе французского народа против нашествия германского деспотизма».

Этими энергичными словами мы закончим нашу брошюру. 9-го сентября, покидая Локарно, Бакунин решил ехать в Лион. «Я решил отнести туда свои старые кости и сыграть там свою последнюю партию», писал он в письме к своему другу Адольфу Фохту.

Варлен вернулся из Бельгии в Париж 6-го сентября для того, чтобы принять участие в борьбе. Во время расправы версальцев с коммунарами он был расстрелян 23 мая 1871 года на Монмартре. Со смертью Варлена Парижскому Интернационалу был нанесён смертельный удар.

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 00:40:45

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 24 августа 2025 19:17:14